

«Пушкинское слово» в американском романе: «Золотые ворота» В. Сета

Н. М. Нестерова¹, О. В. Соболева²

^{1,2}Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

¹nest-nat@yandex.ru

²olga.v.soboleva@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роман индийского писателя Викрама Сета «Золотые ворота», написанный под влиянием английского перевода пушкинского романа «Евгений Онегин». Целью исследования является выявление связавших русский текст и текст В. Сета интертекстуальных элементов, которые опосредованно (через англоязычный перевод) проникли в американский роман, а затем и в его перевод на русский язык. Используемый в исследовании метод интертекстуального анализа позволяет выявить межтекстовую связь четырех произведений, образующих своего рода «онегинское пространство», в котором отражается связь времен и культур.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекстуальные элементы, перевод, «Евгений Онегин», «онегинское пространство»

Для цитирования: Нестерова Н. М., Соболева О. В. «Пушкинское слово» в американском романе: «Золотые ворота» В. Сета // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 77–85. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_77

Original article

“Pushkin’s Word” in the American Novel: “Golden Gate” by V. Seth

Natalia M. Nesterova¹, Olga V. Soboleva²

^{1,2}Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

¹nest-nat@yandex.ru

²olga.v.soboleva@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the American novel “Golden Gate” written by V. Seth influenced by the English translation of Pushkin’s novel “Eugene Onegin”. The problem of the research is to identify the intertextual elements that connected the Russian and American texts and then penetrated the latter one through the English translation and then into the Russian translation of the American novel. The method of intertextual analysis used in the study revealed the intertextual connection of the four texts forming, according to the authors of the article, a kind of “Onegin space”, which reflects the connection of centuries and cultures.

Keywords: intertextuality, intertextual elements, translation, “Eugene Onegin”, “Onegin’s space”

For citation: Nesterova, N. M., Soboleva, O. V. (2023). “Pushkin’s word” in the American novel: “Golden gate” by V. Seth. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 77–85. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_77

И вот чужое слово проступает...
А. Ахматова

ВВЕДЕНИЕ: «ОНЕГИН НА ЧУЖБИНЕ»

Непереводимость пушкинского «Евгения Онегина» хорошо известна и не раз описана как в русской, так и в западной пушкинистике. В отечественной литературной критике широко известна негативная оценка, данная К. И. Чуковским переводам романа «Евгений Онегин» на английский язык в его знаменитой статье «Онегин на чужбине». Он практически выносит приговор всем англоязычным переводам, имеющимся на момент написания его работы: «Что сказать об английских переводах “Евгения Онегина”? Читаешь их и с болью следишь, из страницы в страницу, как гениально лаконическую, непревзойденную по своей дивной музыкальности речь одного из величайших мастеров этой русской речи переводчики всевозможными способами превращают в дешевый набор гладких, пустопорожних, затасканных фраз» [Чуковский, 2008, с. 384].

После выхода критической работы Чуковского прошло уже не одно десятилетие, и количество переводов пушкинского «непереводимого» текста значительно увеличилось. Наиболее известны и признаны лучшими переводы Чарльза Джонстона (1977), Джеймса Э. Фалена (1990), Стэнли Митчелла (2008). Однако и эти признанные переводчики считают, что передать пушкинскую «дивную музыкальную речь» практически невозможно. Так, Чарльз Джонстон пишет не без горечи:

Few foreign masterpieces can have suffered more than Eugene Onegin from the English **translator's failure** to convey anything more than – at best – the literal meaning. It is as if **a sound-proof wall** separated Pushkin's poetic novel from the English-reading world¹.

Вот эта *sound-proof wall* (звуконепроницаемая стена) и не дает гениальному творению Пушкина стать одним из самых читаемых в мире.

Джеймс Фален в предисловии к переводу пушкинского романа также отмечает *modest reputation* величайшего нашего поэта за пределами русскоязычного мира². Об определенной «неизвестности»

Пушкина свидетельствует и еще один переводчик, Д. Хофштадтер:

When, some time in my dim past, I first heard the “Eugene Onegin”, it was as the title of a Tchaikovsky opera. The *name “Alexander Pushkin” was nowhere in sight, nor was the idea of poetry*³.

Судьба «Онегина на чужбине» оказалась парадоксальной. С одной стороны, пушкинский текст остается не очень читаемым, хотя число его англоязычных переводов постоянно растет: только в XXI веке появилось уже больше десяти переводов (а общее их количество достигло сорока!). С другой стороны, во всех мировых театрах звучит опера П. И. Чайковского, благодаря которой оним «Евгений Онегин» хорошо известен публике, но при этом не связан с именем Пушкина. Балетный мир любит балеты «Онегин» (Джон Кранко, 1965), «Татьяна» (Джон Ноймайер, 2014), в кинемире хорошо известен англо-американский фильм «Онегин» (режиссер Марта Файнс, 1999), получивший несколько престижных наград. Все они созданы по мотивам пушкинского текста и представляют тот вид интерпретации, который Р. Якобсон определил как «межсемиотический перевод». Появляются и литературные «онегинские» тексты, которые можно отнести к направлению, названному Ж. Женеттом «the literature in the second degree» [Женетт, 1982]. Так, в 2016 году во Франции увидел свет текст Клементины Бове «Songe a la douceur» (в русском переводе «Ужель та самая Татьяна?», 2019), в котором герои носят пушкинские имена, но живут в современном Париже. Начало этого произведения, жанр которого обозначен автором как «Фантазия по мотивам романа Александра Пушкина “Евгений Онегин” (1833) и оперы Петра Чайковского “Евгений Онегин” (1879)», в русском переводе Дмитрия Савосина звучит так:

Сия история, читатель, не нова

...

Теперь другие надобны слова,
Чтоб выяснить – кто виноват?
Онегин ли? Татьяна виновата?
О, да – герои моего романа –
Те самые, Онегин и Татьяна⁴

В Америке также появляются «онегинские» тексты: в 1991 году выходит произведение представительницы так называемых «языковых

¹ Pushkin A. Eugene Onegin and Other Stories / Translated from the Russian by Ch. Johnston. Everyman's Library Pocket Poets. A. A. Knoff. New York – London – Toronto, 1999. P. 6. Зд. и далее при цитировании выделено нами. – Н. Н., О. С.

² Pushkin A. Eugene Onegin. A Novel in Verse / Translated with an introduction and notes by J. E. Falen. Oxford University Press, 1995.

³ Pushkin A. Eugene Onegin. A Novel in verse / A Novel Versification by D. Hofstadter. Basic Books. A Member of the Perseus Books Group. 1999. P. 9.

⁴ Бове К. Ужель та самая Татьяна? М.: Самокат, 2019. С. 7.

авторов» Лин Хеджинян (Lyn Hejirian), навеянное пушкинским текстом и впечатлениями от постсоветской России, которую писательница увидела, приезжая в нашу страну. Этот своеобразный текст носит русско-английское название «Oxota: A Short Russian Novel».

Все названные выше прочтения пушкинского текста (включая и традиционные переводы) связаны со своим литературным первоисточником многоразличными путями. Таким образом, создается интертекстуальное пространство «Евгения Онегина», в котором актуализируется неисчерпаемый смысл пушкинского текста. Интертекстуальное поле пушкинского «Онегина» включает в себя и англоязычный текст Викрама Сета «Golden Gate» (1986), названный критиками «Евгением Онегиным из Сан-Франциско». Этот текст и является предметом данного небольшого исследования.

ТЕКСТ vs ИНТЕРТЕКСТ

Как известно, благодаря теоретикам постмодернизма (Ю. Кристевой, Р. Барту, Ж. Деррида, М. Риффатеру, Ж. Женетту и др.), их представлению о механизмах текстопорождения, появления новых текстов, интертекстуальность стала одним из ключевых понятий современных гуманитарных наук: философии, теории культуры, теории текста. И вполне закономерно, что на смену понятию «текст» пришло понятие «интертекст», введенное в теорию литературы Ю. Кристевой (1969). Слова семиотика и литературоведа Шарля Гривеля «нет текста, кроме интертекста» можно считать аксиомой [Гривель, 1994]. Другими словами, текст как четко выявляемая автономная данность уходит в прошлое, поскольку практически любой текст по сути своей является интертекстом и в определенной степени текстом вторичным. Он возникает как своего рода отклик на другой текст (тексты). Наше мышление цитатно в силу того, что мы все находимся, как пишет Г. В. Косиков, «в окружении чужих дискурсов», и потому «по самой своей природе любой текст одновременно является и произведением, и *интертекстом*» [Косиков, 2000, с. 36–37]. Это значит, что смысловая полнота текста создается не только его референциальностью, но и не в меньшей степени его соотносительностью с другими текстами. Это справедливо не только по отношению к современной литературе: интертекстуальность существовала всегда, и пушкинский «Евгений Онегин» представляет собой классический интертекст. Различие «старой» интертекстуальности, существовавшей всегда, и «новой», возникшей в современной литературе, заключается в том, что

первая – это совокупность цитат и литературных аллюзий, а последняя – это осознанный авторский выбор, писательская техника, направленная на то, чтобы следы других текстов в новом порождаемом тексте были очевидны, особенно в тех случаях, когда автор использует какой-то конкретный текст как претекст. Очевидно, что претекст можно использовать по-разному: его можно «завышать» или «занижать», даже пародировать. Это зависит от авторского замысла, в соответствии с которым производитель связного текста становится уже не «переписчиком», но Автором. Таким Автором и является Викрам Сет, выбравший в качестве «исходного» текста гениальное творение Пушкина. В Америке труд Сета вызвал большой интерес и был высоко оценен критиками. Так, «Золотые ворота» были названы «великим калифорнийским романом», который вернул в литературу рифму [Lehman, 1986, с. 75].

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» И «ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА»: МЕЖТЕКСТОВЫЕ СВЯЗИ

Вряд ли справедливо утверждать, что имя Викрама Сета хорошо известно читающей России. Немного информации о нем и в русскоязычном интернете. Так, в короткой статье в Википедии сообщается только то, что Викрам Сет индийский писатель, поэт, новеллист, либреттист, переводчик. Можно найти перечень его книг и фильмов, получивших не одну премию, но этим информация исчерпывается.

В нашей стране о Сете заговорили в связи с публикацией в 2018 году русскоязычного перевода его «пушкинского» романа «Золотые ворота», написанного онегинской строфой. Переводчик, совершивший этот самый сложный перевод, Андрей Олеар, представил книгу на V Международном конгрессе переводчиков в Москве в сентябре 2018 года. На презентации издания присутствовал сам автор, а также Екатерина Марголис, оформившая эту великолепную двуязычную книгу. После этой встречи автор и переводчик привезли книгу в Пушкинский музей-заповедник Михайловское, символизируя тем самым генетическую связь американского «Онегина» с его русскими корнями.

На той же встрече в Москве Викрам Сет рассказал историю создания этого текста, его слова мы уже приводили в своей предыдущей статье [Нестерова, Соболева, 2020].

Главным в его решении поменять свою карьеру исследователя-социолога на писательскую было неожиданное знакомство с англоязычным переводом пушкинского текста, автором которого был Чарльз

Джонстон. Молодого аспиранта потряс роман в стихах, и ему страстно захотелось «поговорить» онегинской строфой (дословное выражение Сета). В своем посвящении Кате Марголис «В маленьком садике в Венеции» Сет напишет о Пушкине:

Он – все те, кто знает его наизусть,
Он – это я, кто, пусть и не в силах читать на его языке,
чувствует сердцем каждое слово.
И меня бы не было здесь, если б не Пушкин.
Он дал мне меня.

Пер. А. Олеара¹

Так что же дал Пушкин индийскому автору, выпускнику Оксфорда, аспиранту Стэнфордского университета, ставшему автором американского «Онегина»? Что получил его «Онегин» от пушкинского? Как эта связь преломилась в переводах Ч. Джонстона и А. Олеара? Исчерпывающие ответы на эти вопросы требуют глубокого анализа, другого странного объема и другого формата исследования. В данной статье мы попытаемся лишь частично ответить на сформулированные вопросы, отмечая при этом, что некоторые из них уже ставились и решались в работах исследователей [Солодовникова, 2005; Бутенина, 2017; Ronomoreva, 2016].

Совершенно очевидно, что тексты Пушкина и Сета объединены интертекстуальными элементами различных типов. На наш взгляд, наиболее очевидными являются следующие: **интертекстуальность** как соприсутствие в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т. д.) и **архитекстуальность**, вслед за Ж. Женеттом понимаемая как жанровая связь текстов [Женетт, 1982].

Архитекстуальность заявлена самим автором: «Золотые ворота» – это прежде всего роман в стихах, написанный онегинской строфой (четырехстопным ямбом с той же рифмовкой). К архитектекстуальности можно отнести и выбор героев. У Сета, как и у Пушкина, четыре основных персонажа. Сет выводит на повествовательную сцену представителей молодой интеллектуальной элиты Америки 1980-х годов, живущих в Сан-Франциско – в месте, где расположен Стэнфордский университет (аспирантом которого был В. Сет), в городе, который считается крупнейшим технологическим центром, известным как Кремниевая долина. Само название «Золотые ворота» отсылает нас к данному локусу, и действие романа начинается именно на аллее знаменитого Golden Gate Park. Американский Онегин живет и работает там. Архитекстуальная связь двух текстов очевидна и, несомненно,

представляет интерес в аспекте жанровых параллелей и сюжетных пересечений.

Однако на данном этапе работы мы решили остановиться на анализе интертекстуальных элементов; они присутствуют как в тексте Сета, так и в его переводе на русский язык. Материалом для исследования послужили четыре текста: «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (*далее* А. П.), «Eugene Onegin» в переводе Ч. Джонстона (*далее* Ч. Д.), «Golden Gate» В. Сета (*далее* В. С.) и «Золотые ворота» в переводе А. Олеара (*далее* А. О.).

Известно, что наиболее распространенными интертекстуальными знаковыми единицами являются цитаты и аллюзии, которые используются автором как с атрибуцией, так и без нее. В нашем случае доминируют последние (без атрибуции), но читателю, хорошо знакомому с пушкинским текстом и читающему в оригинале текст Сета, они очевидны.

Начнем анализ с известного пушкинского посвящения. У Сета оно тоже присутствует, однако обращено авторское посвящение не к другу, а к России, которой он, наконец, благодаря воле Зевса, «возвращает дар». Пушкинские «следы» в тексте Сета, взятые из перевода Джонстона, очевидны. Однако они заимствованы не только из текста посвящения, но и из других частей произведения (*волею Зевеса, О, Русь*). Приведем фрагменты всех четырех вариантов посвящения:

Евгений Онегин (А. П.)

Но так и быть – рукою пристрастной
Прими собрание **пестрых глав**,
Полумешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет².

Eugene Onegin (Ч. Д.)

But, as it is, this pied collection
begs your indulgence – it's been spun
from threads both **sad and humoristic**,
themes popular or idealistic,
products of carefree hours, of fun,
of **sleeplessness, faint inspirations**,
of powers unripe, or on the wane,
of reason's icy intimations,
and records of a heart in pain³.

¹ Seth Vikram = Сет, Викрам. The Golden Gate = Золотые Ворота [пер. с англ. А. Олеара, ил. Е. Марголис, посл. А. Олеара и Е. Марголис]. М.: Центр книги Рудомино, 2018. С. 661.

² Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Наука, 1964. Т. 5. С. 7.

³ Pushkin A. Eugene Onegin and Other Stories / Translated from the Russian by Ch. Johnston. 1999. P. 11.

Golden Gate (B. C.)

Exitement, *sorrow, love and wit*.
Yet now, another's words and passion
Out of that light, that *second land*
Let me, at least at *second hand*
Even if in so sly a fashion,
At long last (*by the will of Zeus*)
Return this gift to you, *o Rus!*¹

Золотые ворота (A. O.)

Лукавство *остроумных фраз...*
Есть в строчках те же жизнь и муки,
А с ними жар Того Огня!
Раскусят, думаю, меня
Уже и чрез другие руки
Вернуть твой дивный дар берусь
(Сам Зевс велел) тебе, о Русь!²

Отметим, что текст переводчика отличается от текста Сета, из интертекстуальных элементов здесь сохранены *Зевс* и *о Русь*. Это своего рода интерпретация, основанная на знании обстоятельств, которые побудили В. Сета создать собственный роман в стихах. В данном случае русский текст меньше отсылает и к претексту, сетовский вариант имеет больше общего с оригиналом, представленном в переводе Джонстона.

В первой главе Сет (как и Пушкин) знакомит читателя со своим героем. Они невероятно похожи, эти русский и американский Онегины (имя последнего – Джон Браун). Об их сходстве (внешнем и внутреннем) мы уже писали в своей предыдущей работе (см. [Нестерова, Соболева, 2020]).

Знакомясь с героем «Золотых ворот», понимаешь, что автор почти буквально следует пушкинской формуле описания героя. Попробуем проследить ее реализацию в тексте В. Сета. Мы выделили несколько ключевых микротем в процессе знакомства читателя с героем: это первое появление героя и его представление читателю; внешний облик и общая характеристика героя; его занятия и интересы; оценка героя окружающими и его внутреннее состояние. Ниже сопоставим фрагменты четырех текстов, имеющие отношение к этим микротемам.

1. Первое появление героя и его представление читателю

А. П.

Так *думал молодой повеса*
Летя в пыли на почтовых.

¹ Seth V. Op. cit. 2018. С. 6.

² Там же. С. 7.

Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий сей же час
Позвольте познакомить вас.
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы³

Ч. Д.

Such were *a young rake's meditations*
by will of Zeus, the high and just,
the legatee of his relations –
as *horses whirled him through the dust.*
Friends of my Ruslan and Lyudmila,
without preliminary feeler
let me acquaint you on the nail
with this the hero of my tale:
Onegin, my good friend, was littered
and bred upon the Neva's brink⁴

В. С.

To make a start more swift than weighty,
Hail Muse. *Dear Reader, once upon*
A time, say circa 1980,
There lived a man. His name was John.
Successful in his field though only
Twenty six, respected, lonely.
One evening as he walked across
Golden Gate Park⁵

А. О.

О, как роман начать приятно
так: «Здравствуй Муза! Некто Джон
жил был себе в восьмидесятых.
Героем нашим станет он.
Джон – в двадцать шесть – в ряду
немногих
успешных; ныне одинокий,
о чем-то думая, идет
аллеей «Золотых Ворот»⁶

Итак, оба автора с первых строк без лишних слов и предисловий знакомят читателя со своими героями, сообщают первые сведения о них. Оба в момент представления читателю находятся в пути: русский Онегин «летит в пыли на почтовых», американский идет по аллее знаменитого парка в Сан-Франциско.

³ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Т. 5. С. 9–10.

⁴ Pushkin A. Eugene Onegin and Other Stories / Translated from the Russian by Ch. Johnston. 1999. P. 14.

⁵ Seth V. Op. cit. 2018. С. 12.

⁶ Там же. С. 13.

2. Внешний облик и общая характеристика героя

А. П.

Вот мой Онегин на свободе;
Острижен *по последней моде*;
Как dandy лондонский одет –
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он *умен и очень мил*.¹

Ч. Д.

Eugene was free, and *as a dresser
made London's dandy his professor.*
His hair was fashionably curled,
and now at last he saw the World.
In French Onegin had perfected
proficiency to speak and write,
in the mazurka he was light,
his bow was wholly unaffected.
The World found this enough to treat
Eugene as *clever, and quite sweet*.²

В. С.

John's looks are good. His dress is formal.
His voice is low. His mind is sound.
His appetite for work's abnormal.
A plastic name tag hangs around
His collar like a votive necklace.³

А. О.

Джон смотрится отменно в строгом.
Глубокий голос. Горд. Умен.
Есть силы вкалывать помногу,
и пластиковый медальон –
как будто дал обет – на шее.⁴

Итак, оба героя прекрасно выглядят, но если пушкинский Онегин «легко мазурку танцевал и кланялся непринужденно», а также «по-французски в совершенстве мог изъясняться и писать», то его двойник умен, много и серьезно работает, будучи одним из ведущих специалистов Кремниевой долины. Такое различие закономерно: сменялась эпоха.

¹ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Т. 5. С. 10–11.

² Pushkin A. Eugene Onegin and Other Stories / Translated from the Russian by Ch. Johnston. 1999. P. 15.

³ Seth V. Op. cit. C. 14.

⁴ Там же. С. 15.

3. Занятия и интересы

А. П.

Но в чем он истинный был *гений*,
Что знал он тверже всех наук,
Что было для него измлада
И труд, и мука, и отрада,
Что занимало целый день
Его тоскующую лень, –
Была *наука страсти нежной*,
Которую воспел Навон.⁵

Ч. Д.

the art *he'd studied best of all*,
his young heyday's supreme employment,
its work, its torture, its enjoyment,
what occupied his chafing powers
throughout the boredom of the hours –
this was *the science of that passion*
which Ovid sang.⁶

В. С.

He tuned is *thoughts to electronic
Circuitry*. This soothed his mind.
He left irregular (moronic)
Sentimentality behind.
He thought of or-gates and of and-gates,
Of ROMs, of nor-gates, and of hand-gates,
Of nanoseconds, megabytes,
And bits and nibbles.⁷

А. О.

*По микромира коридорам
блуждает мысль* (а с нею Джон):
«Оставить мир, любой в котором –
песчинка, жалок и смешон.
Ведь человек, понять нетрудно,
лишь килобайт, наносекунда
в Программе. Микс из цифр и букв
есть наша жизнь...»⁸

4. Оценка героя окружающими

А. П.

Онегин был, по мнению многих
(Судей решительных и строгих),
Ученый малый, но *педант*.⁹

⁵ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Т. 5. С. 11–12.

⁶ Pushkin A. Eugene Onegin and Other Stories / Translated from the Russian by Ch. Johnston. 1999. P. 17.

⁷ Seth V. Op. cit. C. 14.

⁸ Там же, С. 15.

⁹ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Т. 5. С. 11.

Ч. Д.
Onegin was assessed by many
(critical judges, strict as any)
as **well-read**, though **of pedant cast**.¹

В. С.
Friends claim he's grown **aloof and prim**.
His boss, though, is well-pleased with him².

А. О.
Друзья твердят: «**Педант!** Вопрос
один: что в нем находит босс?»³

5. Внутреннее состояние героя

А. П.
Но был ли счастлив мой Евгений,
Свободный, в цвете лучших лет,
...
Нет: рано чувства в нем остыли;
...
Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому сплину,
Короче: **русская хандра**
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел.⁴

Ч. Д.
But was it happy, his employment,
his freedom, in his youth's first flower,
...
No, early on his heart was cooling
...
The illness with which he'd been smitten
should have been analysed when caught,
something like spleen, that scourge of
Britain,
or **Russia's chondria, for short;**
it mastered him in slow gradation,
thank God, he had no inclination
to blow his brains out, but in stead
to life grew colder than the dead.⁵

В. С.
I'm young, employed, healthy, ambitious

Sound, solvent, self-made, self-possessed.
But all my symptoms are pernicious.
The Dow-Jones of my heart's **depressed**.
The sunflower of my youth is wilting.
The tower of my dreams is tilting.
The zoom lens of my zest is blurred.
The drama of my life's absurd.
What is the root of my neurosis?

...
I die! I faint! I fail! I sink!⁶

А. О.
Ведь занят, молод и успешен,
здоров, надежен, с головой
в порядке все, но это внешне,
внутри же – **будто сам не свой**.
Желаний Доу-Джонс в упадке,
подсолнух чувств лежит на грядке;
как в скверной оптике – мечты:
тусклы, размыты и пусты.
В чем корень этого невроза?
...
Тону. Спаси же, брось мне круг!⁷

Как мы видим, оба героя в свои двадцать шесть лет разочарованы в жизни, оба находятся в подавленном состоянии. Если Пушкин сам описывает настроение героя, то Сет использует прием эмоционального монолога, мольбы о помощи, которую герой обращает к подруге юности. Совет, который ему был дан (*You need a lover, John / Влюбиться надо, милый друг, – в ту, с коей не было бы скучно*⁸), вполне соответствует духу пушкинского текста. Оба героя следуют этому совету: влюбляются, переживают большую страсть, и обоих авторы оставляют, по словам Пушкина, «в минуту злую». Финалы обоих романов остаются открытыми.

Можно безгранично сравнивать четыре текста в поисках их причудливых интертекстуальных переплетений, образующих некое единое «онегинское» пространство. Представленный в данной работе анализ – это только начало исследования, которое будет продолжено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый нами анализ «онегинского пространства», образованного четырьмя текстами на двух языках, позволяет увидеть то, что классик мирового переводоведения Иржи Левый называл «межкультурной транслируемостью». Как известно,

¹ Pushkin A. Eugene Onegin and Other Stories / Translated from the Russian by Ch. Johnston. 1999. P. 15.

² Seth V. Op. cit. C. 14.

³ Там же. С. 15.

⁴ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Т. 5. С. 25–26.

⁵ Pushkin A. Eugene Onegin and Other Stories / Translated from the Russian by Ch. Johnston. 1999. P. 29–30.

⁶ Seth V. Op. cit. C. 34.

⁷ Там же. С. 35.

⁸ Перевод А. Олеара.

И. Левый образно представлял мировую культуру в виде сообщающихся сосудов, наполненных разными жидкостями, переливающимися из одного сосуда в другой. Такой процесс ведет к изменению каждой «принимающей» жидкости и, в конечном итоге, к ее гомонизации и усложнению [Левый,

1974]. Рассматриваемые четыре текста ярко демонстрируют эту межязыковую транслируемость, эффект вливания «новой жидкости» в сосуды двух культур: сначала американской, а затем, после перевода «Золотых ворот» на русский язык, и русской.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чуковский К. И. Онегин на чужбине // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Высокое искусство. Живой как жизнь. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. С. 384–410.
2. Женетт Ж. Палимпсесты: Литература во второй степени. М.: Наука, 1982.
3. Гривель Ш. Шарль Гривель – опыт, теория. М.: Научная литература, 1994.
4. Косиков Г. К. «Структура» или «Текст» (Стратегия современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 3–48.
5. Lehman D. A Sonnet to San Francisco // Newsweek. 1986. April, 14. Vol. 107. № 15. P. 74–75.
6. Нестерова Н.М., Соболева О.В. «Евгений Онегин» А. Пушкина в зеркале «Золотых ворот» В. Сета, или два Онегина // Цивилизация знаний: российские реалии: сборник трудов XXI Международной научной конференции (10–11 апреля 2020 года, город Москва). Киров: Издательство МЦИТО, 2020. С. 396–400.
7. Солодовникова Д.Н. Онегинские строфы Викрама Сета. 2005. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31375/1/qrgf_2005_18.pdf.
8. Бутенина Е. М. Транскультурный код «Евгения Онегина» в поэтическом романе США // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 158–172.
9. Ponomoreva A. Vikram Seth's Golden Gate as a Transcreation of Alexander Pushkin's Eugene Onegin // Rereading Schleiermacher: Translation, Cognition and Culture / T. Seruya, J. M. Justo (eds.). Berlin: Springer, 2016. P. 219–232.
10. Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974.

REFERENCES

1. Chukovsky, K. I. (2008). Onegin na chuzhbine = Onegin in a foreign land. In *Sobranie sochinenij* (vol. 3: Vysokoe iskusstvo. Zhivoj kak zhizn', pp. 384–410): in 5 vols. Moscow: TERRA – Knizhnyj klub. (In Russ.)
2. Genette, G. (1982). *Palimpsest: Literature in the Second Degree*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Grivel, Ch. (1994). Charles Grivel – experience, theory. Moscow: Nauchnaya literatura. (In Russ.)
4. Kosikov, G. K. (2000). «Struktura» ili «Tekst» (Strategiya sovremennoj semiotiki). In *Francuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* (pp. 3–48). Moscow: Progress. (In Russ.)
5. Lehman, D. (1986, 14 April). A Sonnet to San Francisco. *Newsweek*, 107(15), 74–75.
6. Nesterova, N. M., Soboleva, O. V. (2020). "Eugene Onegin" by A. Pushkin reflected in "The colden gate" by V. Seth, or two Onegins". *Civilizacija znaniy: rossijskie realii: collection of works of XXI International scientific conference* (10–11 April, 2020, Moscow). Kirov: Izdatel'stvo MCITO. (In Russ.)
7. Solodovnikova, D. N. (2005). Onegin's stanzas of Vikram Seth. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31375/1/qrgf_2005_18.pdf. (In Russ.)
8. Butenina, E. M. (2017). Eugene Onegin's transcultural code in the American novel in verse. *Tomsk State University Journal of Philology*, 48, 158–172. (In Russ.)
9. Ponomoreva, A. (2016). Vikram Seth's Golden Gate as a Transcreation of Alexander Pushkin's Eugene Onegin. In Seruya, T., Justo, J. M. (eds.), *Rereading Schleiermacher: Translation, Cognition and Culture* (pp. 219–232). Berlin: Springer.
10. Levy, I. (1974). *Iskusstvo perevoda = The Art of Translation*. Moscow: Progress. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нестерова Наталья Михайловна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермского национального исследовательского политехнического университета

Соболева Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермского национального исследовательского политехнического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nesterova Natalia Mikhailovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnic University

Soboleva Olga Vladimirovna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnic University

Статья поступила в редакцию	28.02.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	27.03.2023	accepted for publication